

Александра Яковлева

ВОТ ОНА *Я*

12+

Александра Яковлева

Вот она я

«Автор»

2018

Яковлева А.

Вот она я / А. Яковлева — «Автор», 2018

Знаете ли вы такое слово, которое называло бы сразу все цвета? А какие сказки рассказывают там, где только один фонарь на весь посёлок и школа заколочена? И как отыскать в лесу тайное озеро, в котором себя настоящего увидишь? В сборник короткой прозы Александры Яковлевой вошли истории о Сибирской земле и коренных народах, о людях наедине с дикой природой, о тайге и её тайнах. Многие из этих тайн можно разглядеть только глазами ребёнка, поэтому герои рассказов чаще всего дети. Но ближе и понятнее книга всё-таки взрослым - тем, кто ещё помнит себя маленьким, а мир огромным.

© Яковлева А., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Космический крейсер на солнечных парусах	5
Озёрная сладость	8
Вот она я	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Александра Яковлева

Вот она я

Космический крейсер на солнечных парусах

Старый мой дворик свернулся сонным клубком в колодце краснокирпичных малоэтажек далёкой советской эпохи. Такие дворики до сих пор раскиданы по всей стране. Они одиноко вздымаются, прорастая временем, как динозавровы кости. Ветер и солнце ведут свою медленную разрушительную работу, и вот уже углы их выщерблены, будто кто-то злой и голодный грыз их неистово, стены – в потёках чёрной плесени, а шиферные хребты крыш щетинятся молодыми деревцами и травой. Природа всегда берёт своё, даже посреди индустриального мегаполиса, – только дай слабину, только забудь о прополке баобабов на своей планетке.

Если пройти под аркой, увенчанной балкончиком, окажешься в зелёном молчаливом безвременье. Здесь всё ровно так же, как было в далёком детстве. Самый пронзительный, самый сладкий миг лета пойман и закупорен внутри этого дворика. Законсервирован для потомков. Головокружительно высокие тополя уже испустили пух, и белая пена захлёстывает тропинки, гонимая случайным ветерком, и ноги тонут в ней по щиколотку. Душный аромат клумб смешивается с прохладной сыростью домов. Хоть внешние их стены сложены из кирпича, внутренние перекрытия сплошь дерево. Давно прогнившее, трухлявое дерево. Наверняка в квартирах проваливается пол, в подвалах стоит вода, и живут в ней только мокрицы да улитки. Эдакое тайное болотце под каждым архитектурным ансамблем в духе сталинского ампира.

В поддержку новой экосистемы привольно гнездятся здесь ласточки. Юркие, бойкие, так и носятся они над головой, отчаянно вереща и посвистывая. То ли за еду спорят, то ли – за элитное жильё: кому достанутся кирпичные гнездовья в отвесных стенах с видом на кроны тополей. С тех самых крон вторят ласточкам дрозды. Именно они держат теперь территорию. Отпугивают ворон, кошек и прочих опасных гостей. Так что когда я, минуя приземистые, заросшие травой по самые крыши сараюшки, приближаюсь к тополям, дрозды устраивают настоящий переполох. Сонный покой их растревожен чужачкой с той стороны, где вечно шумят и несутся куда-то на бешеных скоростях. Но я не противник дроздам. Я, как могу, снижаю темп собственной жизни, оставляя свои заветы за порогом этого храма.

Каким же огромным был раньше мир!.. Дома казались великими стражами, охраняющими двор; проходная арка вздымалась вывернутыми рёбрами католического собора; дальняя сторона двора с магазином на первом этаже была краем географии: пока добежишь – запыхаешься. Но стоило чуть-чуть подрасти, зазеваться на каких-то двадцать с хвостиком лет – и всё вдруг съёжилось, как шагреневая кожа, осело, ушло по колено в сырую землю. Одни тополя не подвели: как были гигантами, так ими и остались, и стоят теперь, такие далёкие, важные: видят дальше, знают больше. А под тополями, усыпанная летним пушистым снегом, греется на солнышке детская площадка.

Вот карусель: деревянный блин на ржавой оси с сидушками и поручнями. Раньше дворовые девчонки и мальчишки целыми гроздьями повисали на вертушке, визжа от скорости и утягивающей в сторону инерции вращения. Сейчас двор необитаем и пуст. А я, из уважения к почтенному возрасту карусели, даже не рискну ступить на платформу. Некоторое время вращаю её отрешённо. Одинокий скрип наполняет тишину двора грустной песней о минувшем. Старый-старый шрамик на переносице – подарок от этой самой карусели. Бабушка тогда испугалась гораздо больше меня. Но ни одно лето ведь не обходится без разбитых носов и коленок. Если вдруг наступает такое лето, за которое ты не разбил ни носа, ни коленки, ни даже локтя – детство кончилось.

Рядом с каруселью вросла в землю ракета. Вернее, «лазелка» в виде ракеты, но форма тут важнее содержания. Этот трубчато-суставчатый гимн советской космонавтике сейчас выглядит нелепо и странно, а тогда, в далёком босоногом, мы все, как один, готовились в космонавты. Карусель была отличной заменой центрифуге. Если её раскручивал сам Мишка, из старших, а ты умудрилась удержаться, – считай, готовый капитан корабля! Никакая перегрузка тебе не страшна, смело полезай в ракету и веди экипаж к далёким звёздам. И я держалась из последних сил, потому что больше всего на свете любила быть капитаном корабля. А Мишка больше всего на свете боялся моей бабушки – и, конечно же, подыгрывал.

Особенно здорово было засидеться внутри ракеты до ночи. Тогда небо над двором из голубого становилось сиреневым, потом фиолетовым, а потом и вовсе чёрным, и загорались далёкие белые звёзды, таинственные, пульсирующие в каком-то одном, им известном ритме. Задрав голову к звёздам, мы представляли, будто действительно летим сквозь пространство, бороздя ракетным носом разъятый космос. Но просто сидеть на неудобной перекладине и фантазировать, конечно, не так динамично, поэтому филиалом космических полётов очень скоро стали качели.

Я иду к ним, под самую сень тополей, и пух гладит мои ноги растительной пеной прибора. В этой пене, пришвартовавшись у берега, зарывшись носами в песок, покоятся наши космические корабли. Три лодки, с морщинистыми от старой краски боками. Та, что справа, совсем утратила связь с механизмом и лежит теперь на земле, подставив борта волнам времени. Левая держится на одной перекладине, последней мачте без паруса. Центральная, хоть и ржавая, кажется, ещё на ходу.

Осторожно толкаю металлический нос. Легко-легко, едва коснувшись. Скорее, бессознательно, чем в твёрдом намерении воскресить проржавевший насквозь механизм. Но так же легко лодка вдруг оживает. Послушная моей руке, она отклоняется назад, в тополиные кущи, будто только и ждала всё это время, когда же я соизволю подойти и поздороваться.

Ну, здравствуй, мой космический крейсер на солнечных парусах.

«Крейсер» – это Мишкино. Однажды нашёл в каком-то журнале и вынес слово к нам во двор. Подзуживал: «Ну, скажи, скажи! Крейсер». «Лодка», – супилась я. «Ты хочешь быть капитаном крейсера или капитаном какой-то лодки?» «Клейсела», – вздыхала я. Мишка хохотал.

В смутном, сиюминутном порыве отваги я берусь за поручни, и поднимаю себя на борт, и правая моя нога встаёт на нос корабля, а левая – на корму. Теперь я Гулливер на лилипутском судне. А ведь раньше это была огромная блистательная шхуна на целую команду, и она тонула в зелёном море листвы, чтобы в следующий же миг вознести нас, ликующих маленьких человечков, под самые небеса, к первым вечерним звёздам.

Я раскачиваю лодку, вперёд и назад. Жду: вот-вот петли над головой начнут страшно скрипеть и осыпаться рыжей пылью. Но лодочка идёт легко. С тихим свистом расступается воздух. Удивительно. Осмелев, я налегаю на невидимые вёсла, и корабль мой будто того и ждёт. Носом – ввысь! Кормюю – в листву! Дрозды бьют тревогу. Как знали, пернатые: от пришлых великовозрастных жди беды.

Мой крейсер уходит всё выше и выше. Летом солнечные паруса заряжаются лучше всего, это известно каждому, и вот, простояв на зарядке столько лет подряд, корабль пышет жаром разогретых металлических бортов, и ступни мои горят даже через подошвы кед, вот-вот начнёт плавиться резина. Это переизбыток энергии, нужно срочно нарастить мощности. И я налегаю, что есть сил. Вперёд! – и нос корабля устремляется к далёким космическим высям. Назад! – и спину мою обнимает древесная тяга земли. Вперёд! – и холодные звёзды уже угадываются в голубой оптической обманке дневного неба. Назад! – и тёплые гроздьи тополиного пуха гладят по волосам, цепляют свои семена: пассажиры-экспаты, они тоже готовы отправиться в космос, чтобы вволю рассеяться в новых мирах. Ничто не держит их здесь, в этом вымершем дворике,

и от родителей-тополей они вдоволь наслушались сказок о том, что в соседних консервах трава зеленее. Ничто не держит здесь и меня, и даже бабушка моя давно отболела, ушла – то ли ввысь, к безвоздушным разъятым пространствам, то ли вниз, к мягкой почве, тёплым древесным корням. Корабль мой верный, последний из кораблей, дождался заблудшего где-то в гремучем порту капитана, и теперь несёт меня, лихо взрезая время, отбрасывая лишние ступени.

Но кто в этом сонном, старческом дворике заботился о нём? Кто смазывал петли, чинил борта? Кто боролся со ржавчиной на пыльных приметах моего давно ушедшего детства?

Из дальнего дома к взлётной площадке бежит, пригибаясь от ветра и пуха, как будто бы Мишка. В шортах, такой же длинный и тощий, будто и нет этих двадцати с хвостиком лет. Взгляд его серых глаз серьёзен и смел. Он кричит: «Возьми и меня!» – и вскакивает на борт с ловкостью обезьянки, крепко держась за оснастку.

– Этот крейсер – мой, – с гордостью рычит он и встаёт на самый-пресамый нос. – Мне его папа починил. Когда-нибудь я улечу к дальним планетам.

– Ты только не забудь, – говорю я ему, – а то будешь, как я.

Мне грустно – и в то же время невероятно хорошо. Мы смеёмся – и ветер взмывает лодку, и нас вместе с нею, и гроздя белёсого пуха. И кажется: пух – это звёзды.

Лето, 2018 г.

Озёрная сладость

Шурик проснулся оттого, что его курносый в крапинку нос зашекотал один волнительный запах. Пахло бабушкиными блинами, и утренний сладкий сон как рукой сняло. Некоторое время Шурик ещё лежал, прислушиваясь к звукам дома и разглядывая узоры на красивом, во всю стену ковре. При утреннем свете смешные человечки, пятилапые звери и злобные чингисханы казались обычными замысловатыми цветочками и веточками – ничего интересного. Шум за пределами его комнаты был тоже вполне обыкновенный. Блинное тесто шипело на раскалённой сковороде, перекатываясь по её поверхности; бабушка скрипела половицами, перемещаясь от стола к плите и обратно; за окном гоношилась стайка воробьёв и слышались ритмичные удары – это дед колот дрова на растопку субботней бани.

Пятки Шурика коснулись прохладных половиц дома, и начался новый день его бессрочной ссылки. Конечно, в гостях у бабушки и дедушки было замечательно, спору нет. Вот и блинчики ещё, к тому же... Шурик, будто на автопилоте, минуя умывальник, направился напрямиком на кухню, к столу, увенчанному горой дымящихся блинов, и сам не заметил, как принялся уплетать их за обе щёки. Да, у мамы такие вкусные никогда не получались. Быть может, потому, что и пекла она их нечасто? В таком деле без сноровки никуда.

Бабушка, занятая у плиты, заметила Шурика только на третьем блине. В сей же миг он был изгнан из блинного рая мыть руки, чистить зубы и, в конце концов, звать к столу дедушку. «Нет, всё-таки ссылка», – думал Шурик, на ходу облизывая масляные пальцы перед тем, как взяться за мыло. Пусть его и откармливают тут, как домовёнка Кузьку, но в остальном ведь совершенно нечем заняться.

Шурик ещё в первый день своего пребывания здесь с горечью установил, что мобильная сеть ловит из рук вон плохо и нестабильно, а про интернет и вай-фай никто слыхом не слышивал. На второй день он потерял свой планшет со всеми играми и даже поплакал немного, потому что теперь между ним и суровой реальностью была абсолютная пустота. Но бабушка пообещала, что планшет найдётся ещё до приезда родителей. Другими словами: «Я тебе его отдам, когда посчитаю нужным». И Шурик понял, что ссылка будет в тысячу раз скучней, чем ожидалось. Неизвестно ещё, когда она кончится и кончится ли вообще.

Поначалу, первые несколько часов после того, как машина отца скрылась за поворотом, Шурик надеялся, что тот передумает и вернётся за ним. Но шли часы, а отец не возвращался. К вечеру Шурик окончательно принял как факт, что его бросили. О причине он знал, ему много раз объясняли, но из всех родительских объяснений мальчик понял для себя только то, что теперь у его родителей новый ребёнок, а он, видимо, больше не нужен, и поэтому его отослали к бабушке с дедушкой. Возможно, навсегда. Так что плакал Шурик не только из-за планшета, но бабушке ведь не обо всём надо знать, верно?

Теперь современный и насквозь городской десятилетний мальчишка был вынужден придумать себе развлечение в деревенской глуши. Глушь – это, чтобы вы понимали, одна улица и два ряда обветшалых домов вдоль неё. Первое, чем занялся Шурик, когда лишился планшета, – отправился на разведку и составил подробную карту деревни на альбомном листе. Времени на это ушло не так уж и много. Он нарисовал все дома и сараи, а ещё дорогу, лес вокруг деревни, поляну, где пасутся коровы, заброшенную лесопилку и озеро, у которого стоит их дом.

Дом дедушки Володи и бабушки Сони расположен на отшибе, над оврагом, заполненным водой, – это и есть озерко. Чтобы выйти к нему из деревни, нужно свернуть с главной и единственной улицы в сторону лесопилки, спуститься в низину, где среди травы прячется самодельная дедушкина тропа из досок и кирпича. Она-то и ведёт напрямиком к дому у озера. Эту тропу Шурик также старательно изобразил дедушкиными же цветными карандашами.

Старик был неплохой художник, и даже очень. Особенно ему удавались лося. «А всё потому, что я их много на своём веку встречал», – пояснял он внуку. Шурик решил, что и сам непременно встретит одного, поэтому, составляя карту и даже бегая в магазин за солью для бабушки, он всё выискивал среди деревьев и кустарника вдоль дороги красивые широкие рога... По итогу своих ознакомительных вылазок он навестил бабушкину корову Малину, подружился с пастухом дядей Игорем, рассказал о городской жизни двум старушкам на лавочке и даже с позором бежал от грозной мамы-гусыни с выводком гусят. Но ни одного лося так и не встретил.

В деревне был всего один ларёк – даже не магазин, а самый настоящий ларёк, маленькая такая будка с продавщицей тётёй Катей, дамой необъятной и смешливой. Пока тётя Катя потрошила какую-то коробку в поисках соли, Шурик всё гадал, как она умудряется помещаться в этой будке целиком, да ещё и вместе с товаром. А товар был самый разнообразный: от консервов до стирального порошка, от нижнего белья до водки. Шурик знал, что такое водка, но никогда не думал, что в одном маленьком киосочке с тётёй Катей внутри может поместиться так много бутылок. Удивительно было и то, что при всём многообразии товара в ларьке не продавали ничего сладкого. И Шурик из чистого любопытства решил узнать, почему так.

– Не завозили, – обронила тётя Катя.

– Почему не завозили? – Шурик попытался с головой заглянуть в небольшое окошко, потому что не верил он тёте Кате, ведь такого просто не может быть.

– Говорю, нет ничего! И откуда только взялся... Ты чьих будешь? Из города, что ль?

– Я к бабушке с дедушкой в гости приехал, наш дом у озера. Так почему не завозили? – снова спросил Шурик. Обыкновенно, если уж ему нужно было что-то узнать, он не отступался, пока не получал ответ.

– Да кто ж их покупать будет, сладости твои химикатные? – тётя Катя хохотнула, сверкнув золотым зубом. – У нас тут своя сладость есть, озёрная, вся деревня угощается. Неужто не едал ещё? А говоришь, на озере живёшь!

Какую такую озёрную сладость имела в виду тётя Катя, для Шурика осталось загадкой. И он твёрдо решил выяснить, чтобы никто больше не сверкал на него золотым зубом и не смеялся над ним.

Дедушку Шурик нашёл, как и ожидалось, около бани – тот уже складывал свеженаколотые чурбачки в дровник. Июльское солнце начинало припекать, и дед работал в одних лёгких шортах. Шурик подумал, что дедушка у него какой-то неправильный: только лицом и старенький, а топором машет – вон сколько намахал за утро! На месяц вперёд, наверное. Руки сильные, а ведь он ими ещё и рисует.

– Ну, помогай, коли пришёл. Доброе утро, – сказал дед. Вместе они быстро управились. Правда, Шурик только подавал, но в то же время внимательно следил за тем, как ладно и плотно дед складывает полешки одно к другому.

– А я... Это... Бабушка зовёт завтракать, – сказал Шурик, когда с работой было покончено. И добавил: – Дед, а ты мне когда лося покажешь?

– Завтракать – это хорошо. Сейчас только руки вымоем!

Шурик попытался незаметно обтереть ладони о штанину, пока они шли к уличному ручью.

– Снова мыть... Я ж их вот только... А лося когда покажешь?

– Полей-ка на меня из ковшика, охолонуться надо. А то вспотел – ф-ф-фу! Нехорошо за стол так садиться.

– Ладно, но лося-то когда? – Если уж Шурик о чем-то спрашивал, то не отступался, пока не получал ответ. Дед только усмехнулся в бороду. Мальчик взялся за ковшик, твёрдо пообещав себе, что так просто не сдастся.

Но долгожданный завтрак совсем разморил его, и когда с блинами было покончено, Шурик уже и думать забыл о лосях. Именно тогда дедушка надел чистую красную рубаху, взял связку карандашей, перетянутую резинкой, папку с листами, деревянную дощечку и сказал внуку:

– Ну что, айда, что ли. На рогача смотреть.

– Исти с собой возьмите-то! Завечерееет – и не заметите, – захлопотала бабушка. – В корзинку вам блинков положу, остаточков, и гостинец для провожатого моего. А опростаете – набери мне конфет, Володь, слышь?

– Слышу, мать, наберу.

– Конфет? Тётя Катя не продаёт никаких конфет, я спрашивал. И что за провожатый, бабуль?

Но никто ему так ничего и не объяснил. Только дед посмотрел сурово, мол, поторапливайся, а не болтай. Дождался корзинки – и был таков.

– Ба-а-а, каких конфет, какой провожатый? – не унимался Шурик, уже завязывая шнурки на кроссовках.

– Догоняй деда, он ждять не будет, – только и ответила бабушка и скрылась на кухне.

Это было невыносимо! Старики как сговорились, не отвечали на его вопросы. Придётся всё выяснять самому.

Шурик во все лопатки припустил за дедушкой, но у того был широкий шаг: его красная рубаха уже мелькала в перелеске за озером. А пока мальчик оббегал озеро, она и вовсе скрылась из виду. «Да что ж ты за человек такой?» – думал про себя Шурик, продираясь через молодую поросль в лесную чащу. – «И почему меня всегда все бросают?»

Лес был лиственный и негустой, солнце пронизывало его насквозь, но такая приметная красная рубашка словно испарилась вместе с дедом. Шурик здраво рассудил, что панике поддаваться рано и что он всегда сможет повернуть назад к дому, главное – идти всё время по прямой.

Но чем глубже он заходил в лес, тем сложнее ему было придерживаться плана, ведь это был самый красивый и удивительный лес из всех! Не то чтобы Шурик видывал на своём веку много лесов. Строго говоря, вообще не видывал, если не считать центрального парка и пары выездов на майские шашлыки за тридцать километров от города. Немудрено, что совсем скоро он и думать забыл о дедушке. Шурик глазел по сторонам, слушал птичью разноголосицу, трогал каждое дерево, мимо которого проходил, а на некоторые, более-менее удобные даже забирался, хоть и невысоко. Иногда ему казалось, что под плотным ковром из прошлогодней палой листвы кто-то шевелится, куда-то спешит. Порой он мельком видел то рыжий хвост в кроне вяза, то трепыхание чьих-то крыльев, а однажды дорогу ему перебежал настоящий ёж! Не говоря уже об огромных муравейниках, которые Шурик старался обходить стороной, и коварных пауках, что развешивали свои сети прямо на его пути, и Шурик непременно влетал в эту липкую гадость лицом.

Сколько он шёл так по лесу, сказать трудно. Шурику казалось, что прошло не так уж много, но всё-таки он порядком устал. Он присел отдохнуть на поваленное дерево, закрыл глаза и прислушался. Вокруг царил живая тишина и даже разливался какой-то знакомый сладкий аромат. Хотелось сидеть так долго-долго и не думать ни о чём. Так он и сделал. Но когда восторг немного улёгся, Шурику тут же вспомнился дедушка. Мальчик вскочил как ужаленный и заозирался кругом, пытаясь сообразить, в какой же стороне дом у озера. Вдруг среди деревьев он заметил нечто красное. Наконец-то догнал!

Шурик радостно побежал навстречу деду... но увь! Не преодолев и половины пути, он понял, что ошибся. Это был вовсе не дедушка, а огромный куст, весь усеянный продолговатыми ягодами-колбочками, красными, точь-в-точь как дедова рубаха. Именно он и пах так сладко и знакомо.

– Да это же барбарис! – вскричал Шурик.

В ту же секунду ветви барбариса дёрнулись, и в чашу от него ломанулось нечто большое, на длинных тонких ногах, горбоносое, с огромными, как дом, рогами.

– Да это ж лось... – прошептал Шурик и попятился. – Какой огромный...

– Что ж ты такой шалый, малец? – раздалось издалека.

Шурик обернулся на голос бабушки, но не сразу разглядел его, сидящего у другого такого же куста барбариса в своей красной рубахе. На его коленях лежал лист бумаги с набросками.

– Ладно, раз убежал сохатый, давай, что ли, конфект наберём. Наказ нам был. Но сперва поедим.

Перекусив блинами из корзинки, они вместе стали набирать в неё барбарис. Шурик старался срывать ягоды аккуратно, чтобы не лопнуть их пальцами.

– Дед, чего ты ушёл вперёд, бросил меня? А вдруг бы я потерялся?

– Но ты же не потерялся, – заметил дедушка. – Да и слышал я тебя претотлично – страсть как шумишь, только городские так по лесу ходят.

Шурик немного обиделся за городских и притих, сосредоточился на ягодах.

– Нравится тебе у нас-то, Шурик? А то оставайся! Будешь мне помощником, я тебя и дрова колотить научу, и по лесу ходить, крышу с тобой перестелем... Ты чего ревёшь?

– Не реву! – Шурик размазал по лицу непрошенные, ниоткуда набежавшие слёзы. – И так вам подкинули, останусь тут жить, а кто меня спросил? Не нужен я им больше, Аришка у них теперь есть...

Дальше он уже не смог говорить.

Некоторое время оба молчали. Наконец дед произнёс задумчиво:

– Сегодня ты вон сколько бродил один по незнакомому лесу – и не заплакал, не испугался. Хоть ты малой совсем и природу, поди, только на картинках раньше видел в этом... как его... плешете своём...

– Планшете, – поправил Шурик, борясь со всхлипами.

– Во-во, я и говорю, в плешете этом. Ты самостоятельный парень, жених почти, а всё мамку делишь! Я в твоём возрасте, между прочим, уже жениться думал.

Шурик отчего-то покраснел, аж уши запыхали. Ему показалось, что они стали такими же, как дедова рубаха.

– Не веришь мне? А я тебе скажу так: вот из-за конфект этих и собрался!

– Да на ком, дед?

– Да на бабушке твоей, на ком ещё! Ей тогда, почитай, годков пять ли, семь ли было. А мне десять, ровно как тебе. Только я мельче, хлипче был – да и жили тогда не сахарно, война только что кончилась. И тут гляжу – девчоночка новая на селе появилась. Местных-то я всех знал. Ты не гляди, это нынче одни старики со старухами тут свой век доживают, так в пятидесятых им-то и было, как мне. Кто постарше, кто помладше. Потом одни уехали, а иные остались: Степановна, Еремеевна тож, Федотыч – я с ними малым ещё играл! Да, Шурик, и мы когда-то детьми были. И я, и бабушка твоя, Сонюшка... И вот она, пигалица такая, с матерью приехали к здешним родственникам гостить. Тогда в деревнях хоть и было не хлебосольно, а всё ж посытнее, чем в ином городе. И можешь себе вообразить: ей строго-настрога запретили со мной водиться! Хулиган! Так и сказали, не шучу. Хулиган он, говорят, не касайся его, не подходи. И на озеро не ходи до него. А я ведь тогда был бирюк бирюком, со стороны, может, злым казался, не знаю... Сирота почти. Отец на фронте погиб, мать болезнь унесла, меня бабка приютила, да сама обезножела скоро, и я с восьми годков уже сам хозяйство вёл. Ладно. Нашла она тут подруг себе, повели её девки эти по грибы-ягоды в лес. Клялись-божились матери ейной, Людмиле Андреевне, Царствие ей небесное, святая женщина была... клялись-божились, значит, что в обиду Соньку не дадут, от любой напасти уберегут. Ну, добро. Пошли. Забрали в чашу далёко, полные корзины набрали. Ну, дело к вечеру – надо бы и домой

вертаться. Пошли до дому, и тут – откуда что взялось, вот только солнышко светило – набежали тучи, ударила молния, гром загрохотал! Девки, знамо дело, перепугались страшно, все корзинки свои побросали – и ну бежать! Соньку потеряли в каком-то овраге, хватились её уже в деревне. А она, бедная, ревмя ревет, грома страшится, дождь её поливает.

– И ты спас её, дед? Нашёл в лесу? – Шурик уже и думать забыл о своих бедах. Он представил себя на месте своей маленькой бабушки и со стыдом признал: испугался бы не меньше её, пятилетки.

Дед будто угадал его мысли:

– Повезло тебе, малец, что вёдро нынче, а то в иной раз дожди такие, что руку вытяни – не видать её, да лупит шибко. В такой ливень кого ты отыщешь? Нет, бабушка твоя сама как-то выбралась. Только не к самой деревне, а в аккурат к дому нашему на озере выбрела. А спроси её – она тебе скажет, что лось её вывел. Мол, нашёл её в овраге, рогами вытянул да к людям проводил, а шла она у него под брюхом, от дождя так хоронилась. Правда так было или нет, одной ей и известно. Только сколь тут живём с ней, всё через меня гостинцы своему провожатому передаёт. Вот и вся тайна.

– Но при чём тут барбарис?

– А, барбарис! Да... – Дед рассмеялся. – Это очень потешно было. У нас тогда куст барбариса, небольшого такой, прямо у дома рос. Вот вышла она из лесу – мокрая вся, хоть выжимай. И к кусту этому. А после дождя он знаешь как пахнет? Ох и сладко пахнет, да далеко слышать запах! Я из окошка увидел её и навстречу кинулся, бабкин пуховый платок схватил из сеней. Верчу её в этот платок, она как раз целиком в него помещается. А Сонька знай просит: «Хулиган, нарви конфет мне! Нарви, я тогда маме не скажу, что ты ко мне подходил».

Дед отсмеялся, утёр выступившую слезу щекой ладони. Помолчал немного, перебирая ягоды барбариса в корзинке. Шурик тоже уставился на ягоды – «конфеты». Интересно, сладкие ли? Он взял одну в рот – кислятина! Аж сморщился от неожиданности, чем насмешил деда ещё больше.

– Во-во, один в один такую же мину скусила! В общем, передал её с рук на руки Людмиле Андреевне – та зарёванная была пуще Соньки самой. С тех пор мне в их доме всегда рады были, а тех девок нерадивых на порог не пускали. К озеру, правда, так и не разрешали ходить – да оно и верно, глыбко в том озере, утопнуть можно за здорово живёшь, Соньке бы и секунды недогляду хватило. А как осень настала, так они и в город засобирались обратно. Вот тогда я, дружок, шибко плакал – горько было, прикипел, сдружился с нею. Все со мной как со взрослым уже обращались тогда. А с ней я себя хоть ребёнком чувал, играл: догоняшки всякие, салки те же... В куклы тоже с ней играл, а как иначе? Что скажет, в то и играем. Наделаю ей кукол из шишек и соломы, а то по опушке вожу её, про птиц рассказываю, про мурашей... Ладно. Собирались они затемно, с рассветом вышли на дорогу: до электрички идти отсель километров восемь, надо успеть на утрешнюю. Идут они уже в сторону станции – и тут я бегу, догоняю, значит. В руках тряпки какие-то старые, а в тряпках этих – куст барбариса. Тоже засветло встал и выкопал часть куста для Сонюшки. Подумал: пусть у неё растёт где-нибудь, дома ли, под окном ли, обо мне напоминает. Чем я тогда думал, кто его знает. Только Соня в куст этот обеими ручонками вцепилась, так крепко-крепко, говорит: «Выращу дома сладкие конфеты и привезу тебе!» Людмила Андреевна, конечно, недовольная была этим букетом: тащить тяжело, неудобно. Но у Соньки уже не отберёшь. Так и увезла куст в город.

– Привезла на следующий год тебе конфет? – спросил Шурик.

– Нет, не привезла. И через пять лет не привезла. И через десять. Приехала уже совсем взрослой девушкой, еле узнал. Я тогда с мужиками дома отстраивал заново. В то лето было жарко да сухо, горели леса, пожары прошли страшные, много домов погорело, и в нашем селе тоже. Моему досталось меньше других: вода близко. Но всё же пришлось и себе подлатать, и соседям помочь. Барбарис было жалко, сгорел совсем. А она как прознала о нём: приехала

родне помогать, погорельцам тоже, и привезла из города семечки от того самого барбариса, который много лет назад я ей выкопал. Вот они, до сих пор растут да множатся, да я приглядываю. Где сухостой выкопаю, где свежий кусточек создам.

– А почему здесь, в лесу посадил, а не у дома?

– Бабушка твоя захотела так. Я и в детстве ей отказать не мог. – Дед усмехнулся в бороду. – Да и поди ж ты, здесь тропа лосиная проходит. А там, чуть подалее, тот самый овраг, куда Сонька провалилась. Памятное ей место, понимаешь? Обычно сама здесь ягоды собирает да спасителей своих угощает то морковкой, то яблочком. А я этих прикормышей ручных рисовать хожу. Позируют даже! Могут минут десять стоять, не шелохнутся. Артисты!

Шурик снова немного погрустнел, вспомнив, как нечаянно спугнул большого лесного красавца, так что увидел только смутное пятно, длинноногое и рогатое. И снова дед будто угадал его мысли.

– Не печалься, малец, навидаешься ещё наших сохатых. В другой раз тебя возьму и покажу, как с лесом общаться. А ты потом Аришу научишь, когда уж приедете все вместе. Уговор?

И Шурик кивнул, почему-то совершенно успокоенный. Он сидел рядом с самым сильным и мудрым человеком на всём белом свете. И если этот человек ждал свою семью столько лет, то и Шурик сможет подождать каких-то пару месяцев. В глубине души он знал, что родители вернутся за ним. Уж к началу нового учебного года его точно привезут в город. А когда Аришка подрастёт, они все вместе приедут к бабушке и дедушке в гости и пойдут смотреть на лосей и барбарис, и никакие дожди и овраги им не будут страшны.

Когда Шурик вместе с дедом вернулись в дом у озера, уже вечерело. Шурик торжественно вручил бабушке корзинку с ягодами барбариса и объявил, что её храбрые добытчики голодны как волки. На что бабушка Соня ответила, что это очень кстати, ведь дома их ждёт свежий хлеб, парное молоко, наваристый борщ и целая сковорода жареной картошки.

– А на сладкое будут конфеты, – сказала бабушка и подхватила из рук Шурика корзинку с ягодами.

– Но бабуля, барбарис же кислый! Какое же это сладкое?

И вновь ему никто не ответил, только дед хохотнул и погнал Шурика учиться затапливать баню. Спустя два часа, распаренный и красный от дедушкиного веника и банного жара, Шурик смёл свой нехитрый ужин, и дед сказал ему:

– Давай, Сашура, похозяйничай, пока бабушка в баньке парится. Наливай нам чаю да ставь сладкое на стол... В сенях посмотри, под крышкой, ну!

И когда Шурик поднял крышку с широкого и низкобортного медного таза, он увидел рубиново-красное, головкружительно пахнущее варенье, которое остывало здесь, в прохладе сеней. И, конечно же, Шурик зачерпнул его прямо пальцем и сунул палец в рот, и это варенье было лучше всяких конфет и каких-либо ещё сладостей. В меру сладкое, немного с кислоткой, ещё тёплое и густое. А самое главное, сварено его бабушкой, чудесной женщиной, которая давным-давно натерпелась страху в этих краях, но потом, спустя много лет, вернулась на бесприютное пепелище и привезла с собой свою любовь. И любовь эта была такой живучей и мощной, что до сих пор она первая сладость в деревне, и ничего другого никто у тёти Кати не покупает – ни шоколадок, ни конфет.

Щедро наливая тягучую рубиновую красоту в пиалу, Шурик с замиранием сердца думал о том, как повезёт домой банку конфетного варенья, эту озёрную сладость в подарок Аришке – его маленькой сестрёнке, с которой он ещё не был знаком, но совсем скоро обязательно познакомится.

Март, 2017 г.

Вот она я

Я смотрю в чистое небо над тайгой. У неба и тайги – один цвет. Небо светлее, тайга темнее, вот и всё различие. В нашем языке есть слово, которым можно назвать сразу все цвета: *нярг*. Ни у кого такого больше нет, чтобы и трава, и вода, и одуванчик – всё одним словом. Прибавишь его к дереву – скажешь о цвете дерева, прибавишь к камню – скажешь о цвете камня. Бабушка говорит, в нём запрятан общий цвет природы. Это очень удобно. Скажи только одно слово – и ты уже сказал обо всём мире единым духом.

Мой мир – это наш посёлок на берегу речки. Это тайга кругом. Это хвоинки под ногами и небо над головой. Мой мир – это я, зовут Майкой. А ещё – Ларька, мама, папа и бабушка. Бабушка всегда дома, потому что ходит уже плохо. Папа сделал ей две палки, и она стучит ими по дому, пока, как она говорит, «поворачивается по хозяйству». Поворачивается бабушка обычно на кухне. Я помогаю маме с остальным. У нас свой огород, пятнадцать кур и два петуха, а ещё корова, которую зовут *Кэй* – Зимняя, потому что она как лес зимой.

Ларька – это мой брат, он уже взрослый и учится в Интернате. Там он Илларион Игнатович. Интернат далеко от посёлка, поэтому Ларька уезжает туда с другими ребятами постарше каждую осень. Возвращается только зимой, ненадолго, и потом ещё на всё лето. Это называется Каникулы. На Каникулах Ларька каждый день ходит с папой в тайгу, на промысел. Все в посёлке знают: мой папа – самый удачливый охотник и рыбак. Поэтому я им горжусь. А ещё потому, что он добрый и нас очень любит.

Вот и весь мой мир. Он маленький, но я и сама небольшая. Даже в Интернат не езжу: говорят, рано ещё. А я бы хотела когда-нибудь отправиться на одном из корабликов туда, далеко, в Интернат. Летними вечерами папа с Ларькой возвращаются с промысла. Папа, уставший за день, быстро засыпает. Ларька тоже валится с ног, но сдаётся под моими уговорами. Начинаются сонные рассказы о большом мире, а большой мир начинается с корабля.

Сырым промозглым утром, чуть свет, я выхожу на берег нашей речки и подолгу смотрю, не покажется ли корабль. Раньше корабли ходили к нам часто, почти каждый день. Привозили разное, в основном, конечно, табак, лекарства, домашнюю утварь. Иногда было сладкое или даже фрукты. Однажды сильно нагруженный кораблик привёз ящик мандаринов. Маме досталось два килограмма. Мандарины она внесла в дом бережно, как драгоценность. Очистила нам с Ларькой по одному. Я попробовала – кислятина была ужасная! А Ларьке понравилось. Только он потом пошёл весь красной сыпью и чесался, как сумасшедший.

Сейчас корабль приходит пару раз в неделю. Большой мир всё реже стучится в мой маленький. Я смотрю вдаль, за горизонт, туда, где река впадает в небо, и уже не вижу ни реки, ни неба. Вот река несёт кедровую шишку. Вот порскнула плёсом большая рыба. А корабля всё нет.

Холодный ветер треплет моё байковое выцветшее платьице. Давным-давно у мамы был сарафан, такой же, только яркий. Где-то он сейчас?.. Я слышу, как мама зовёт меня – громко, на весь посёлок, но откликаюсь не сразу. Ещё немножечко я заглядываю за край своего мира. Ничего. Я возвращаюсь домой.

Бабушка наша в молодости тоже была славной охотницей и рыбачкой. Она часто вспоминает об этом и даже, наверное, никогда не забывает. Когда папа, один или с Ларькой, собирается утром на промысел, она говорит: «Каждое дерево в лесу тебя поймёт, только заговори с ним». Бабушка очень скучает по тайге. Иной год добывала вместе с сестрой своей по несколько тысяч белок и другого пушного зверя. Из большого мира ей за улов присылали подарки: то доброй ткани отрез, то платок шёлковый. Один раз гребень малахитовый подарили. Этот гребень до сих пор при ней. Она носит его на голове, под платком, им же расчёсывает себя и меня.

– Богатые у тебя волосы, Майка, – приговаривает тихонько. – Ой, бога-а-атые. Красавицей вырастишь, *манмы нетая*.

Это значит «моя девочка». Бабушка говорит на двух языках одновременно, а на котором больше – от настроения зависит.

– Кому только отдавать такую красавицу... – это папа. Папа точит ножи о камень в дальнем углу. Но слух у него охотничий, острый. – Женихов ей не народилось, а в город везти – она ж не коза.

– Ничего, *манмы нетая*, ничего, – воркует бабушка, и малахитовый гребень, послушный её руке, так и гуляет в моих длинных тёмных волосах. – Я охотилась с малых лет, и тебе уже пора науку осваивать, с тайгой общаться. Взял бы ты её с собой, сынок, всё подмога, пока Ларька учится.

– Малая ещё, – роняет по обыкновению, проверяя ногтем остроту ножа.

Нож этот его любимый охотничий. У Ларьки тоже есть свой, подарок на десятилетие. В Интернат его брат запрещен. Поэтому Ларькин нож лежит в нише за печкой, глубоко в груди старых тряпок, спрятанный от меня.

Вечером, когда мама уже доит корову, а папа ещё не вернулся из тайги, я подсаживаюсь к бабушке, которая штопает все наши носки при тусклом свете лампочки. Она не может попасть ниткой в игольное ушко.

– Сообрази, – говорит, – у тебя глаз остренький.

Я без труда вдеваю нитку. Бабушка ловко окручивает ею палец, вяжет узелок. Натягивает дырявую пятку моего носка на картофелину и принимается за работу.

– Ба, а ты и старенькой в тайгу ходила? – спрашиваю.

– Пока ноги были, везде ходила. Да в тайгу уж только за ягодами, да грибами, да кедрачить помогала мужчинам. Зверя не била уже.

– Почему?

– А знаешь, как бывало? Увидишь белку там, бурундука – тут бы их, родимых, и... А жалко. Ух, как жалко! Ведь по тайге идёшь – разговариваешь с ними. А убьёшь – с кем словцом перекинешься? Запомни, дочка: каждое дерево в лесу, каждая рыба в воде тебя поймёт, только заговори с ними. Не зря мы лесными людьми прозываемся. В тайге надо, знаешь, как ходить? А всё назад смотреть, промеж ушей – нет ли зверя или человека дурного. Тайга – она не злая, конечно, да всякое бывает.

Однажды зимой, в феврале, когда солнце уже на весну посматривало, сидим мы с мамой дома, на сундуке, поём да мастерим мне куколку из того, чего не жалко. Я стачиваю кукле юбку, а мама расписывает личико кисточкой из белки – у неё здорово получается рисовать.

Бабушка говорит, мама – пришлая. Может, оттого и рисует красиво, что большой мир видала. Теперь расписывает дощечки, игрушки, вышивает петухов и огромные, тяжёлые цветы на полотенцах. Вот только говорить о большом мире не любит – ей наш маленький милее.

Одно такое полотенце вдруг падает на пол вместе с кастрюлей, уха плещет через край. Бабушка замирает у окна, руки к голове прижала, причитает по-нашему, лесному.

– Закрой... Дверь закрой! – кричит маме.

Мама закрывается изнутри на все замки и щеколды, задёргивает занавески, даже угли гасит. Втроём мы садимся у остывающей печи и ждём, охваченные смутным страхом. За окном что-то ворочается и тяжело дышит – большое, неизвестное. Сонные куры в курятнике подают голос, и мама начинает молча плакать, потому что боится за корову. Но тут издали доносится залихватный лай соседских собак, выстрелы и крики мужчин, и мне кажется, что я слышу папин голос.

– *Хомо там!* – кричат они. – *Хомо там!* – прогоняют.

Я слышу «коркы» – значит, в посёлке шатун. Теперь, когда я знаю, что это медведь колобродит, страх отступает. Голодный зверь ревет совсем близко от нашего дома, а мне ни

капельки не страшно. Если бабушка правду о тайге говорит, достаточно крикнуть мишке самое грубое, что есть в нашем языке: «*Хомо тат!* Пошёл прочь!» – и он уйдёт.

Но *коркы* приходит в посёлок ещё несколько раз: то корову соседскую выдерет, то собаку поломает. Папа говорит, зверь очень изобретательный попался: мужчины его с одной стороны села караулят, а он с другой появляется. После очередного набега папа приходит весь какой-то тихий и сгорбленный, руками самого себя обнимает. Мама ведёт его в спальню, а потом только и делает, что греет воду да сидит подле него, обтирает его новым полотенцем, отпаивает травами. К нам приходят другие охотники из села, соседи – проведать. Говорят, папа тому медведю глаз вышиб.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.